

Лев Шестов на пути к гностическому либертинизму

Е.В. Родин

Лев Исаакович Шестов (Шварцман) (1866 – 1938) – один из наиболее ярких представителей русской религиозной философии гностического толка.

Уже с самых ранних работ Л. И. Шестов показал свое родство с гностической традицией в ее либертинистском направлении. В первой крупной работе «Шекспир и его критик Брандес» (1898) Шестов ставит перед собой экзистенциальную задачу: понять жизнь человека. «Человека можно понять, лишь живя всей его жизнью, сходя с ним во все бездны его страданий – вплоть до ужаса отчаяния и восходя до высших восторгов художественного творчества и любви»[1], отмечает автор. Для гностиков был близок такой экзистенциальный антропоцентризм. Впрочем, Шестов не копирует гностическую традицию, он идет своим собственным путем, на котором мышление уступает место жизни. На примере шекспировского Гамлета, оказавшегося в плену рационализма, Шестов пишет: «Актер оживил Гекубу, Гамлет умертвляет живую красавицу. Это искусство – его достояние, его проклятие. Источник его – все та же приниженность мышлением жизни»[2]. Если жизнь главнее мышления, то необходимо идти не от мышления к жизни, а наоборот. Здесь нет места пустым бессодержательным понятиям, абстрактным «категорическим императивам». Основная цель – понять человека через жизнь, не ограничивая ее жесткими рамками нравственного сознания. Поэтому Л. И. Шестов противопоставляет Канта и Шекспира, отдавая предпочтение последнему: «Да, для Канта люди не были людьми, а понятиями, к которым он относился по известным правилам. Преступление для него было лишь тем явлением, которому нужно отыскать предикаты, достаточно определенные и точные. При отыскании предикатов пришлось отвергнуть ближнего – но философ этого даже не заметил. У Шекспира же речь идет не о преступлении, которое нужно определить, а о преступнике, которого нужно понять, которому нужно вернуть образ и подобие Божие. Поэтому-то Кант против Макбета, а Шекспир с Макбетом»[3].

Следующая работа «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)» (1900), написанная на рубеже двух веков, приблизила Шестова к гностической традиции. Шестов, пользуясь своим излюбленным приемом противопоставления, демонстрирует несостоятельность толстовского морализма. Обращаясь к работам Толстого, Шестов не обнаруживает в них непредвзятого изложения, а напротив, видит в Толстом строгого судью: «Я говорю «проповеди», ибо все произведения последних годов гр. Толстого, даже художественные, имеют исключительную задачу: сделать выработанное им мировоззрение обязательным для всех людей. Такое стремление уже резко проявилось в «Анне Карениной». Эпиграфом к ней служит евангельский стих: «Мне отмщение и Аз воздам». Мы привыкли его истолковывать в том смысле, что окончательный суд над людьми может и должен быть произнесен не человеком, и что удача или неудача нашей земной жизни не служит доказательством правоты или неправоты нашей. Но в «Анне Карениной» чувствуется совершенно иное понимание евангельского текста. Уже в этом романе гр. Толстой не только изображает человеческую жизнь, но судит людей. И судит не так, как должен судить беспристрастный, спокойный судья, не ведающий жалости, но не знающий и гнева, а как человек, глубоко и страстно заинтересованный в исходе разбираемого им процесса». Сразу напрашивается аналогия с гностическим Демиургом, ветхозаветным ревнивым Богом. Шестов отстаивает экзистенциально-гностическую позицию, которая в общем виде звучит так: «человек хороший, а обстоятельства плохие». Далее Шестов заявляет: «Но последним и главным подсудимым, по поводу которого, очевидно, и приведен в начале книги

евангельский стих – является Анна. Ее ждет отмщение, ей воздаст гр. Толстой. Она согрешила и должна принять наказание». Толстой в глазах Шестова выглядит своеобразным узурпатором, только правление его по большей части осуществляется над собственными литературными героями. Шестов считает, что Толстой излишне жесток со своими героями, жесток до упоения собственной жестокостью, что можно найти лишь у Ницше. Толстой выступил против Ницше, но сам оказался близок ему по духу. Шестов сначала задает вопрос, а потом сам же спешит на него ответить: «Действительно ли эти два замечательных современных писателя столь чужды друг другу? Вероятно, самая возможность такого вопроса покажется странной, тем более отрицательный ответ на него». Родство Толстого и Ницше для Шестова выражается в их богоискательстве, приведшем к формулировке атеистических формул «Бог есть добро» и «Бог умер». Разница лишь в том, что Ницше не скрывает свой антихристианский дух (достаточно вспомнить его работу «Антихристианин»): «Там, где не верит Ницше, не верит и гр. Толстой. Но Ницше этого не скрывает (он скрывает другое), граф же Толстой считает возможным не рассказывать своим ученикам о той пустоте в своем сердце, над которой он воздвиг столь блестящее в литературном отношении здание проповеди». Шестов задается вопросом, кто же прав – Ницше или Толстой? Ответом служат последние слова данной работы: «Добро – братская любовь, – мы знаем теперь из опыта Ницше, – не есть Бог. «Горе тем любящим, у которых нет ничего выше сострадания». Ницше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога». Так удивительным образом Шестов подходит к апологии Ницше и всей гностической традиции. Если Добро не есть Бог (в противном случае, согласно Дж. Муру, имеет место «натуралистическая ошибка»[4]), как понять слова: «Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога»? А это значит отказаться от Творца ради трансцендентного гностического Бога. Возможно и другое прочтение: необходимо отказаться от нравственных законов мира ради понимания Бога. В обоих случаях имеет место гностическая либертинистская трактовка, которой придерживается Л. И. Шестов. Реакция на работу «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» со стороны философов не была дружелюбной: Соловьев изначально советовал Шестову не спешить с публикацией, а Толстой назвал Шестова литератором, а не философом[5].

В следующем произведении «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (1903) Лев Шестов окончательно определяется со своей философской традицией[6]. Отказавшись от проповеди Толстого в пользу философии Ницше в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)», Шестов наметил для себя то направление философии жизни, в котором ему предстояло двигаться в своем литературно-философском творчестве. Шестов сравнивает Достоевского и Ницше, переживших внутреннюю драму и пришедших к философии трагедии, и находит их похожими: «И точно, если людей сближает, роднит не общность происхождения, не совместное жительство или сходство характеров, а одинаковость внутреннего опыта, то Ницше и Достоевский без преувеличения могут быть названы братьями, даже братьями близнецами». После долгого литературного разбора произведений Достоевского и Ницше Шестову удается сформулировать принцип, сближающий этих авторов: «Отсюда тот странный, чуждый людям характер философии Ницше. В ней нет устойчивости, нет равновесия. Она их и не ищет: она живет противоречиями, как и мировоззрение Достоевского. Ницше не пропускает случая посмеяться над тем, что называется прочностью убеждения». То есть необходим отказ от обыденности ради правдивости философии трагедии: «Так или иначе – философия трагедии находится в принципиальной вражде с философией обыденности. Там, где обыденность произносит слово «конец» и отворачивается, там Ницше и Достоевский видят начало и ищут». И далее: «Философия же есть философия трагедии. Романы Достоевского и книги Ницше только и говорят, что о «безобразнейших» людях и их вопросах. Ницше и Достоевский, как и Гоголь, сами были безобразнейшими людьми, не имевшими обыденных надежд. Они пытались найти свое там, где никто никогда не ищет, где по общему убеждению

нет и не может быть ничего, кроме вечной тьмы и хаоса, где даже сам Милль предполагает возможность действия без причины. Там, может быть, каждый подпольный человек значит столько же, сколько и весь мир, там, может быть, люди трагедии и найдут то, чего они искали...».

Работа «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905) оказалась решающей для определения принадлежности Л. И. Шестова к либертинистскому направлению гностического этоса. В этой работе впервые встречается образ Каина, переосмысленный в духе либертинистского учения каинитов: «Каин, жертва которого была негодна Богу, поднял руку на родного брата – ему казалось, что он совершил убийство во имя справедливости для восстановления попраных прав своих. Со времени Каина ни один человек не мог понять, отчего Творец мира благосклоннее принимает жертву его брата, чем его собственную, и в наши дни Сальери повторяет расправу Каина и отравляет своего брата и благодетеля, Моцарта: «Все говорят – нет правды на земле; но правды нет и выше: для меня так это ясно, как простая гамма». Нет ни одного человека на земле, который бы в этих простых и глубоких словах не узнал собственных мучительнейших сомнений. Отсюда вытекает трагическое творчество, – загадочным образом до сих пор почитаемое всеми высшим родом творчества. Все разгадывается и объясняется. Если сравнить наши знания с знаниями древних, мы окажемся великими мудрецами. Но к загадке о вечной справедливости мы так же мало подошли, как и первый человек, как и убийца Каин». Здесь обращают на себя внимание 2 момента: 1) вместо Бога Шестов говорит о Творце (то есть в гностической интерпретации – Демииурге); 2) Каин назван убийцей, однако он не осуждается с позиций вечной справедливости, которая так и осталась загадкой. Собственно «философия трагедии» и «трагическое творчество» заключаются в мучительном поиске ответов на экзистенциальные вопросы. Под гнетом экзистенциальных вопросов Шестов подходит к гностической философии, главными чертами которой становятся иррациональность и либертинизм.

[1] Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Собр. соч. в 6-ти т. СПб. – 1911. – Т. 1. – С. 68.

[2] Там же. – С. 82.

[3] Там же. – С. 279 – 280.

[4] Максимов Л. В. Натуралистическая ошибка // Этика. Энциклопедический словарь. – М. – 2001. – С. 305.

[5] Назаров В. Н. «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» // Этика. Энциклопедический словарь. – М. – 2001. – С. 115.

[6] Об окончательном определении гностической традиции Л. И. Шестова можно говорить лишь с появлением скандальной для того времени работы «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905).